

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И СУДОПРОИЗВОДСТВО

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-3-rossinskiy

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ВЗГЛЯД УЧЕНОГО 10 ЛЕТ СПУСТЯ...

Аннотация. В статье подводятся итоги 10-летних изысканий автора в сфере надлежащего доктринального понимания сущности уголовно-процессуальных доказательств как предполагающих сложную природу объектов правового регулирования, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений либо позиций сторон в условиях состязательности.

Анализируются основные этапы развития национальной теории доказательств и соответствующих положений доказательственного права. Рассматриваются и систематизируются различные взгляды дореволюционных, советских и российских ученых на сущность доказательств, в связи с чем выделяются несколько укрупненных доктринальных подходов: а) формально-логический; б) фактологический; в) дуалистический; г) лиминальный (переходный); д) синтетический; е) кибернетический (информационный); ж) прагматический (англосаксонский); выявляются причины возникновения, оцениваются достоинства и недостатки каждого из них.

Отмечается, что наблюдаемую множественность подходов к пониманию доказательств можно объяснить предопределенностью различных научных позиций и связанных с ними законодательных положений изначально разными мировоззренческими идеями и течениями, играющими приоритетную роль в те или иные периоды развития российского и советского социумов. Одновременно утверждается, что существующие доктринальные подходы к пониманию доказательств не исключают друг друга, а раскрывают разные компоненты уголовно-процессуального доказывания как сложного, многоаспектного комплекса познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций: кибернетический подход — накопление полезной информации;

прагматический подход — ее надлежащее удостоверение; формально-логический и фактологический подходы — обоснование правоприменительных решений и позиций сторон и т.д.

В этой связи формулируется вывод о наибольшей оптимальности и приемлемости для использования еще одного, так называемого неосинтетического подхода. Под доказательствами предлагается понимать предусмотренные законом и предопределенные материальными либо идеальными следами-отображениями информационные активы, подлежащие накоплению в качестве юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов, а затем — использованию в качестве аргументационных ресурсов, которые в своей совокупности способствуют дознавателю, следователю, суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обосновании правоприменительных решений, а сторонам — в попытках дозволенного воздействия на характер и содержание этих решений.

Ключевые слова: доказательства; доказательственное право; доказательственные факты; кибернетическая теория доказательств; обоснование решений; основания для судебного убеждения; средства доказывания; теория доказательств

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., Moscow 119019, Russian Federation.

E-mail: igpran@igpran.ru

SPIN code: 8295-9884

EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: VIEW OF A SCIENTIST 10 YEARS LATER...

Abstract. The article summarizes the results of the author's 10-year research in the field of a proper doctrinal understanding of the essence of criminal procedural evidence as objects of legal regulation of a complex nature, contributing to the establishment of circumstances relevant to the criminal case and substantiation of the relevant law enforcement decisions or positions of the parties in an adversarial environment.

The main stages in the development of the national theory of evidence and relevant provisions of the law of evidence are analyzed. Various views of pre-revolutionary, Soviet and Russian scientists on the essence of evidence are considered and systematized, in connection with which several enlarged doctrinal approaches are distinguished: a) formal-logical; b) factual; c) dualistic; d) liminal (transitional); e) synthetic; f) cybernetic (information); g) pragmatic (Anglo-Saxon); the causes of occurrence are identified, the advantages and disadvantages of each of them are evaluated.

It is noted that the observed plurality of approaches to understanding the evidence can be explained by the predetermination of various scientific positions and related legislative provisions by initially different worldview ideas and currents that play a priority role in certain periods of development of Russian and Soviet societies. At the same time, it is argued that the existing doctrinal approaches to understanding evidence do not exclude each other, but reveal different components of criminal procedural proof as a complex, multidimensional complex of cognitive-certifying techniques and argumentation-logical operations: cybernetic approach — accumulation useful information; pragmatic approach — its proper certification; formal-logical and factual approaches — substantiation of law enforcement decisions and positions of the parties, etc.

In this regard, a conclusion is formulated about the greatest optimality and acceptability for using another, so-called neosynthetic approach. Evidence is proposed to be understood as provided by law and predetermined by material or ideal traces displays of information assets to be accumulated as legally suitable (permissible) information products, and then used as argumentative resources, which in their totality contribute to the inquirer, investigator, the court in establishing the circumstances relevant to the criminal case and substantiating law enforcement decisions, and the parties in attempts to influence the nature and content of these decisions.

Keywords: evidence; evidence law; evidentiary facts; cybernetic theory of proof; substantiation of decisions; grounds for judicial conviction; means of proof; evidence theory

1. Введение

10 лет назад автором настоящей статьи была подготовлена и вынесена на строгий суд читателей относительно небольшая публикация, посвященная поиску наиболее оптимальной научной «формулы», объясняющей сущность уголовно-процессуальных доказательств как сложных и многогранных объектов правового регулирования, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений либо позиций сторон, обеспечивающих возможность пытаться влиять на характер и содержание таких решений в условиях состязательного судебного процесса¹. Актуальность данной научной задачи была вызвана отсутствием единых доктринальных подходов к пониманию доказательств, разнообразием точек зрения и постоянно ведущимися спорами и дискуссиями, обуславливающими проти-

---

¹ См.: *Россинский С.Б.* О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. № 6. С. 93–99.

воречивость и эклектичность соответствующих положений закона, и, как следствие, затруднения в повседневной правоприменительной практике. Результаты проведенного исследования предопределили несколько иной взгляд на существующие проблемы, детерминировали формулирование ряда новых тезисов, позволяющих, по мнению автора, отчасти приблизиться к решению поставленной задачи. Однако ввиду всей сложности данного замысла его реализацию завершить так и не удалось — оптимальная «научная» формула сущности уголовно-процессуальных доказательств до сих пор не найдена, а связанные с ней вопросы продолжают оставаться предметом многочисленных полемических обсуждений.

За истекший период интерес к указанной проблеме не покидал автора ни на минуту. Автор постоянно возвращался к некогда начатым изысканиям, неоднократно затрагивал эти вопросы в своих монографиях, научных статьях, иных публикациях, а также участвовал в их обсуждении в ходе научно-представительских мероприятий. В итоге высказанные когда-то тезисы были дополнены, «отшлифованы», а некоторые из них — даже частично пересмотрены. Кроме того, появились новые идеи, использование которых, как представляется, может существенно упростить решение зреющих годами теоретических, нормативно-правовых и практических проблем.

Таким образом, в настоящее время возникла необходимость в обобщении результатов изысканий автора в данном направлении за последние 10 лет, что и предопределило подготовку настоящей статьи.

2. Основные доктринальные подходы к сущности доказательств

Итак, действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает легальную дефиницию доказательств. С одной стороны, под ними понимаются любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору и суду в предусмотренном законом порядке устанавливать наличие или отсутствие различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ)), тогда как, с другой стороны, таковыми признаются юридически пригодные для использования (допустимые) информационные продукты, содержащие подобные сведения: показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Вместе с тем, несмотря на свою легальность, на официальный характер, подобный подход

разделяется далеко не всеми специалистами и использовался далеко не всегда. За долгие годы развития национальной уголовной юстиции доктринальные и законодательные представления о сущности доказательств неоднократно менялись, пересматривались и постоянно сопровождались множеством критических оценок и полемических обсуждений.

Так, в дореволюционный период легальной дефиниции доказательств просто не существовало, а в научной среде преобладал *формально-логический подход* — под ними (доказательствами) понимались не более чем апостериорные основания для судебного убеждения, т.е. некие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), позволяющие судьям, судебным следователям, присяжным заседателям обосновывать приговоры и прочие правоприменительные решения². А в отдельных публикациях обращалось особое внимание на необходимость разграничения доказательств и так называемых улик, под которыми как раз и понимались следы отображения (следы в широком смысле), т.е. имеющие значение для уголовного дела материальные или идеальные объекты ретроспективного познания³. Иными словами, авторы уделяли особое внимание логическому аспекту доказывания, признавали первостепенное значение внутреннего убеждения для принятия правоприменительных решений по уголовному делу. Вместе с тем подобные позиции были далеко не безгрешными. Они характеризовались отсутствием четкой связи признаваемых доказательствами логических аргументов, доводов, силлогистических посылок с накопленными по уголовному делу информационными активами (с обнаруженными уликами).

В то же самое время существовал схожий, но все-таки несколько иной и, как представляется, более утилитарный *фактологический подход* к сущности доказательств. Под ними понимались далеко не всякие и не абстрактные логические аргументы, доводы, силлогистические посылки, а лишь используемые в качестве таковых конкретные промежуточные (буферные) факты⁴. Причем наибольшую популярность подобные позиции приобрели уже в советский период развития

---

² См.: *Спасович В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М., 2001. С. 5; *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб., 1996. С. 194.

³ См.: *Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 52.

⁴ См.: *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 133; *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс М., 1910. С. 200.

уголовно-процессуальной доктрины. Например, данную точку зрения отстаивали А.Я. Вышинский и И.Д. Перлов⁵. Другие известные ученые придерживались близких, но, тем не менее, несколько вариативных взглядов — доказательствами признавались не любые относимые факты, а только факты, вытекающие из допустимых, т.е. легально предусмотренных законом, источников⁶. Кстати, на возникновение подобной вариативности, по всей вероятности, оказали влияние положения раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, где впервые предусматривался «закрытый» перечень доказательств. В частности, согласно ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. таковыми признавались показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров, иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого.

По сравнению с формально-логическим пониманием доказательств фактологический подход находился в гораздо более выигрышном положении. Так, с одной стороны, сохранялось первостепенное значение внутреннего убеждения для принятия правоприменительных решений, а с другой — доказательством признавалось нечто конкретное — в противоположность абстрактному, реальное — в противоположность мнимому, вымышленному⁷. Вместе с тем, несмотря на свою привлекательность, такой подход тоже не был свободен от изъянов. Один из них заключался в принципиальной несовместимости объективно существующих фактов как фрагментов окружающей реальности с критериями оценки юридической пригодности подлежащих использованию средств доказывания, в первую очередь с законностью получения (допустимостью) и достоверностью. В этой связи С.А. Голунский справедливо писал, что сами по себе факты не могут расцениваться как доброкачественные или недоброкачественные — они либо есть, либо их вообще нет⁸.

Кроме того, фактологический подход характеризовался несколько непродуманным, в чем-то даже бесцеремонным отношением к ис-

---

⁵ См.: *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 3-е изд. М., 1950. С. 223; *Перлов И.Д.* Уголовное судопроизводство в СССР. М., 1959. С. 35.

⁶ См.: *Громов В.И.* Вещественные улики и научно-уголовная техника. М., 1932. С. 10; *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 136 и др.

⁷ См., например: Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Отв. ред. В.С. Степин. 2-е изд. Т. 4. М., 2010. С. 203.

⁸ См.: Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР / Под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 148.

пользуемому понятийному аппарату. С одной стороны, доказательства прямо назывались фактами, т.е. признавались классическими логическими аргументами, доводами, силлогистическими посылками для умозаключений и выводов о наличии или отсутствии имеющих значение для уголовного дела обстоятельств — это предполагало сведение всего доказывания не более чем к логическому процессу, к аналитическим операциям с имеющимися фактами либо, в крайнем случае, к судебным прениям, совещанию коллегии судей и другим процедурам, связанным с обоснованием одним субъектом доказывания своей позиции перед другим. Тогда как, с другой стороны, под доказательствами подразумевались первичные информационные продукты (показания, протоколы, документы и т.д.), что свидетельствовало о включении в содержание доказывания познавательного-удостоверительных приемов, позволяющих накопить пригодную для последующей умственной обработки полезную информацию.

Кстати, в этой связи нельзя целиком согласиться с Ю.К. Орловым, называвшим такую концепцию логической, критиковавшим ее сторонников за абсолютное превознесение аргументационно-логического и одновременно полное игнорирование познавательного-удостоверительного компонентов доказывания и, следовательно, за оставление без внимания потенциала прямых доказательств⁹. Представляется, что если некоторые адепты подобного подхода и подразумевали исключительно логический характер доказывания, то лишь в публикациях, не основанных на положениях раннесоветского уголовно-процессуального законодательства. Да и само название данной концепции логической тоже не совсем удачно. Ведь отношение к доказательствам как к сугубо аргументационным ресурсам было свойственно и другим научным школам, например, публикациям вышеупомянутых дореволюционных авторов, признававших таковыми основания для судебного убеждения.

Со временем указанные позиции трансформировались в так называемый *дуалистический подход*, предполагающий двойственное понимание доказательств: 1) как буферных фактов, вызывающих убежденность в существовании или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств; 2) как допустимых источников этих фактов: показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т.д. Впервые подобные идеи возникли еще в середине 1920-х гг., например, выска-

---

⁹ См.: Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 60.

зывались П.И. Люблинским в его известном практическом комментарии к положениям доказательственного права¹⁰. Позднее этой точки зрения стали придерживаться Р.Д. Рахунов, А.И. Трусов, М.С. Строгович и другие авторы¹¹.

Представляется, что дуалистический подход был первой попыткой выявления роли и определения места доказательств в свойственных уголовному судопроизводству сложных и витиеватых механизмах ретроспективного познания. По всей вероятности, прекрасно осознавая двух-, а порой и многоступенчатость уголовно-процессуального доказывания, советские ученые стали признавать доказательствами и предопределенные следами-отображениями информационные акты, подлежащие использованию для установления буферных фактов, и сами факты, позволяющие мысленно реконструировать обстоятельства, входящие в предмет доказывания или убедиться в их отсутствии.

Вместе с тем подобная доктринальная конструкция также оказалась не вполне удачной — ее сторонники, видимо, проигнорировав или недооценив воззрения дореволюционных ученых о разграничении улик и оснований для судейского убеждения, смешали предопределенные следами-отображениями информационные продукты с устанавливаемыми путем их умственной интерпретации буферными фактами, превратили их в единую массу, что привело к большой путанице, научной и правовой неопределенности. Даже один из самых авторитетных сторонников дуалистического подхода — М.С. Строгович — был вынужден признать сложность двойственного понимания доказательств¹².

Параллельно в уголовно-процессуальной доктрине существовал и несколько иной как бы переходный, *лиминальный подход*, приверженцы которого считали доказательствами не столько сами факты, сколько фактические данные. По сути, такой подход обуславливал постепенную трансформацию тезиса «доказательства — это факты» в возникшую на рубеже 1960–1970-х гг. кибернетическую (информационную) теорию, основанную на утверждении «доказательства — это

---

¹⁰ См.: Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде: практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса / Под ред. Н.Н. Полянского и П.Н. Малянтовича. М., 1924. С. 3.

¹¹ См.: Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 22–25; Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С. 51; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 288–289 и др.

¹² См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 291.

полезные сведения, информационные сигналы». Подобные позиции встречались даже в дореволюционных источниках¹³, однако наибольшую популярность они приобрели гораздо позднее — после вступления в силу Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих республиканских кодексов, в частности УПК РСФСР 1960 г.¹⁴

В отличие от раннесоветского уголовно-процессуального права указанные нормативные акты прямо предусматривали достаточно четкое определение доказательств как любых фактических данных (!), позволяющих судам, следователям, органам дознания в предусмотренном законом порядке устанавливать различные имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела обстоятельства. И, таким образом, впервые решившись на легальную дефиницию доказательств, законодатель сам предопределил резкую активизацию и возрастание количества сторонников лиминального подхода.

С одной стороны, по сравнению с позициями А.Я. Вышинского, М.С. Строговича, А.И. Трусова и других адептов понимания доказательств как фактов либо одновременно как фактов и их источников лиминальный подход находился в явно выигрышном положении, поскольку более точно определял их сущность, содержание и предназначение в общем механизме уголовно-процессуального доказывания. Сторонниками такого подхода справедливо обращалось внимание на практическую невозможность манипулирования фактами, тем более их «втискивания» в установленные законом познавательные продукты: в показания, в протоколы, в документы и т.д. Подчеркивалось, что ввиду материальной природы, изначально объективного характера и существования в окружающей реальности сами по себе факты не предрасположены ни к техническому накоплению, ни к опровержению, ни к превращению в аргументационные ресурсы; в очередной раз говорилось о немыслимости признания фактов достоверными или недостоверными, юридически доброкачественными или недоброкачественными. В этой связи отмечалось, что субъекты доказывания

---

¹³ См.: *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса / Под ред. В.А. Томсинова. Ч. 2. М., 2014. С. 103.

¹⁴ См.: Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. С. 146; *Белкин Р.С.* Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М., 1966. С. 10–11; *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960. С. 24–25; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 99 и др.

способны оперировать не столько фактами, сколько данными (сведениями) о таких фактах, получаемыми из предусмотренных законом источников либо генерируемыми посредством мыслительной реконструкции¹⁵.

С другой стороны, лиминальный подход достаточно сложен для надлежащего уяснения и осмысления — вследствие многозначности и неопределенности терминов «факт», «данные», «сведения» и др., вариативности их употребления в быту, философии, юриспруденции, информатике, иных областях науки и техники. К тому же уважаемые ученые, по всей вероятности, сами испытывали изрядные сложности в использовании указанных терминов, что нередко вызывало и продолжает вызывать сильные искажения смысла адресованных читателям научных посылов, приводило и продолжает приводить к еще большему недопониманию содержания соответствующих публикаций. Даже автору настоящей статьи, много лет интересующемуся проблематикой доказывания и доказательственного права, было непросто разобраться в замысловатых и тяжелых для восприятия доводах и аргументах, высказываемых в поддержку понимания доказательств не как фактов, а именно как фактических данных. Что уж говорить про менее подготовленных читателей, которым подобная научная материя на первый взгляд вообще может показаться некой «неприступной крепостью».

Кстати, по этой же причине — ввиду многозначности и неопределенности используемой терминологии — лиминальный подход, по сути, не устранил основного недостатка дуалистического понимания доказательств, состоящего в смешении основанных на восприятии материальных либо идеальных следов-отображений (следов в широком смысле) информационных активов (показаний, вещественных доказательств, протоколов и т.д.) и генерируемых в результате их умственной обработки буферных фактов в единую массу. В связи с чем М.С. Строгович обращал внимание на сохранение в положениях Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. двойственного смысла доказательств, однако расценивал такую деталь не как предрасполагающий к трудностям нормативный изъян, а как вполне закономерное правотворческое явление¹⁶.

---

¹⁵ См.: Вопросы судопроизводства и судостройства в новом законодательстве Союза ССР. С. 148; *Лукашевич В.З.* О понятии доказательства в советском уголовном процессе // Правоведение. 1963. № 1. С. 111–118; *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань, 1976. С. 102–103; *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Указ. соч. С. 100 и др.

¹⁶ См.: *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 294.

По всей вероятности, именно эти шероховатости в конце концов и побудили отдельных ученых к намерениям интеграции дуалистического и лиминального понимания доказательств, их слияния в некую обобщенную, в чем-то даже универсальную доктринально-правовую концепцию. В результате возник еще один, так называемый *синтетический подход* — под доказательствами стали пониматься и факты, и фактические данные (в некоторые публикации — сведения о фактах), и их источники¹⁷.

Подобный подход можно оценить как попытку универсализации определения доказательств, его распространения и на прямые, и на косвенные ресурсы, включение в его содержание как предопределенных следами-отображениями информационных продуктов, так и получаемых логическим путем данных о буферных фактах. Вместе с тем по сравнению с другими научными воззрениями о сущности доказательств синтетическая концепция детерминировала еще бóльшую доктринальную эклектику — смешение в одну общность уже не двух (как это было свойственно дуалистическому подходу), а сразу трех различных феноменов: 1) самих следов-отображений; 2) вытекающих из них первичных фактических данных; 3) буферных фактов, устанавливаемых путем умственной генерации первичных данных.

Примерно в то же самое время (на рубеже 1960–1970-х гг.) в недрах уголовно-процессуальной науки зародился и начал стремительно развиваться *кибернетический (информационный) подход* к пониманию доказательств, которому впоследствии было суждено получить официальное признание и, по сути, стать доктринальной базой для современного доказательственного права. Он возник в разгар кибернетического «бума»¹⁸, на пике всеобщего увлечения научными проблемами, связанными с закономерностями получения, хранения, преобразования и передачи данных, т.е. был обусловлен возросшим интересом ученых-процессуалистов к сугубо информационным аспектам доказывания, поиском «точек соприкосновения» передовых кибернетических идей с практикой собирания, исследования, проверки и оценки доказательств.

В принципе сущность кибернетической теории тоже сводится к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в некоторых более ранних публикациях — как все

---

¹⁷ См.: *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 92; *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 114.

¹⁸ См.: *Орлов Ю.К.* Указ. соч. С. 61.

тех же фактических данных), способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Однако им придается совершенно иной смысл — такими сведениями (фактическими данными) признаются не столько используемые для обоснования правоприменительных актов и позиций сторон аргументационные ресурсы, сколько находящиеся в неразрывном единстве со своими носителями (источниками) и предрасположенные к восприятию фрагменты информации, т.е. поступающие извне информационные сигналы¹⁹, подлежащие перцепции посредством взаимодействия с идеальными либо материальными следами-отображениями (следами в широком смысле).

Основоположником кибернетической теории доказательств принято считать известного ученого-процессуалиста. В.Я. Дорохова. Солидаризируясь со сторонниками рассмотренного выше лиминального подхода, автор писал о неприемлемости признания доказательствами фактов как объективно существующих фрагментов окружающей реальности, утверждал о попадании в орбиту человеческого мышления не самих предметов или явлений, а лишь сведений об их существовании (фактических данных), трансформирующихся в соответствующие мысленные образы. Однако при этом он полагал, что подобные сведения (фактические данные) возникают как отображения неких обстоятельств в сознании подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, в объектах материального мира и т.д., а затем передаются субъектам доказывания в виде информационных сигналов, воздействующих на их сенсорную систему (на органы чувств)²⁰. В дальнейшем подобные идеи нашли отражение и получили определенное развитие в трудах Л.М. Карнеевой, А.А. Хмырова, С.А. Шейфера и целого ряда других авторов, активно публиковавшихся в 1970–1990-е гг.²¹

¹⁹ Под сигналами в кибернетике понимаются некие физические процессы, позволяющие передавать информацию о каких-либо объектах, событиях или явлениях и, таким образом, выступающие в качестве моделей указанных объектов, событий или явлений. При этом содержанием сигнала признается сама информация, а его формой — способ ее передачи. См., например: *Полятеев И.А.* Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики. М., 1958. С. 25–27; *Куликовский Л.Ф., Молотов В.В.* Теоретические основы информационных процессов. М., 1987. С. 67–69.

²⁰ См.: *Дорохов В.Я.* Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 110; *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / Отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 207.

²¹ См.: *Карнеева Л.М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький, 1977. С. 6–8; *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства. М., 1979. С. 6–7; *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1972. С. 5–9; *Кокорев Л.Д.*,

Таким образом, кибернетическая теория повлияла на усиление роли познавательного компонента доказывания, стала серьезным импульсом для развития процессуальных механизмов собирания доказательств, предопределила целый ряд научных исследований, посвященных проблемам производства следственных действий, судебных экспертиз, других способов накопления и проверки полезных сведений. В итоге, как было отмечено выше, она была официально признана законодателем и стала доктринальной основой для положений постсоветского доказательственного права — по смыслу действующего на сегодняшний день уголовно-процессуального закона под доказательствами понимаются юридически пригодные для использования информационные продукты, содержащие любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору, суду устанавливать действительность либо недействительность имеющих значение для уголовного дела обстоятельств (ст. 74 УПК РФ). Причем многие ученые выразили согласие с такой нормативной конструкцией²², оценили ее как вполне приемлемую для использования в правоприменительной практике²³. В частности, один из самых известных сторонников кибернетической теории — С.А. Шейфер — обратил внимание на явную выигрышность, на более четкое содержание современной дефиниции доказательств по сравнению с соответствующими положениями УПК РСФСР 1960 г.²⁴

Вместе с тем далеко не все авторы были столь оптимистичны. В ряде публикаций содержатся достаточно негативные оценки и выявляются достаточно серьезные недостатки кибернетической теории. В первую очередь она навлекла на себя вполне обоснованный шквал критики ввиду игнорирования, по крайней мере, сильного умаления роли аргументационно-логических операций, непризнания доказательственных фактов, т.е. сведения всего доказывания исключительно к информационному процессу²⁵, в частности, говорится о невоз-

---

Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 121 и др.

²² См., например: *Быков В.М., Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Казань, 2006. С. 23; *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М., 2008. С. 90–91 и др.

²³ См., например: *Лупинская П.А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 6.

²⁴ См.: *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2008. С. 56.

²⁵ См.: *Орлов Ю.К.* Указ. соч. С. 62; *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 2009. С. 73.

возможности применения ч. 1 ст. 74 УПК РФ для работы с косвенными доказательствами, позволяющими приходиться к окончательным выводам путем логического оперирования буферными фактами²⁶. В ряде публикаций не без оснований обращается внимание на несогласованность положений ст. 74 УПК РФ²⁷.

Многие современные ученые вообще не разделяют кибернетической теории доказательств, а выносят на строгий суд научной общности иные доктринальные позиции. Например, В.А. Лазарева, в некоторой степени солидаризируясь с В.Д. Арсеньевым и Ф.Н. Фаткуллиным, формулирует достаточно интересную и, как представляется, имеющую большие перспективы концепцию, которую вполне можно охарактеризовать как *неосинтетический подход*. Она предлагает толковать категорию «доказательства» сразу в трех взаимосвязанных, но тем не менее достаточно автономных значениях: 1) в информационном аспекте — как любые сведения, попадающие в распоряжение участников уголовного судопроизводства и предрасполагающие к установлению имеющих значение для дела обстоятельств; 2) в формально-процессуальном аспекте — как предусмотренные законом информационные продукты (показания, протоколы, документы и т.д.); 3) в логическом и аксиологическом аспектах — как достоверные сведения (факты), позволяющие аргументировать обвинительный приговор²⁸. Еще более оригинальных взглядов придерживается В.С. Балакшин, рассматривающий доказательства как сложную знаково-информационную систему, состоящую из любых фактических данных, их источников, а также находящихся в арсенале органов предварительного расследования и суда законных способов их собирания, фиксации и проверки²⁹.

В 1990-е гг. ввиду известных тенденций, связанных с проникновением во властные и окол властные круги апологетов либерализма и демократии (а по факту — поборников американских правовых цен-

---

²⁶ См.: *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 182.

²⁷ См.: *Костенко Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: Дисс. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 13; *Зажицкий В.И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб., 2015. С. 172–173.

²⁸ См.: *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: Учебник. 5-е изд. М., 2014. С. 171.

²⁹ См.: *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004. С. 124–125.

ностей) и вызвавших научно-конъюнктурную моду на бездумное восхваление и заимствование постулатов англосаксонской правовой доктрины, некоторые авторы начали активно отстаивать еще один, так называемый *прагматический (англосаксонский) подход* к пониманию доказательств. В публикациях уголовно-процессуальной направленности стали высказываться идеи, предполагающие приоритетное значение юридической пригодности (допустимости) доказательств к использованию по назначению, т.е. явное превалирование процедурных правил получения, фиксации и (или) преподнесения суду полезных сведений перед их содержанием. Другими словами, доказательствами стали признаваться не столько сами сведения или фактические данные, сколько надлежащим образом оформленные предметы, документы и, в особенности, устные сообщения обвиняемых, потерпевших, свидетелей, других участников уголовного судопроизводства³⁰.

3. Причины множественности доктринальных подходов к пониманию доказательств

Совокупный анализ множества дореволюционных, советских и постсоветский научных публикаций по проблемам теории доказывания и доказательственного права³¹ приводит к убеждению, что наблюдаемая в доктрине множественность подходов к пониманию доказательств обусловлена вовсе не принципиальными расхождениями специалистов по поводу их гносеологической природы и логической роли, их места и значения в общих механизмах уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон. Как раз эти вопросы всегда воспринимались и продолжают восприниматься примерно одинаково, поскольку не зависят от искусственно созданных юридических законов и правил, а даны людям «свыше», т.е. связаны с естественными, природными способностями к накоплению и умственной обработке информации.

³⁰ См.: Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / Под ред. Л.М. Карнозовой. М., 1995. С. 312; *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д, 1999. С. 37 и др.

³¹ Общим методологическим проблемам уголовно-процессуального доказывания посвящен целый ряд публикаций автора настоящей статьи. См., например: *Россинский С.Б.* Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // *Lex Russica*. Т. 73. 2020. № 9 (166). С. 63–73; *он же.* Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2020. № 5. С. 80–86 и др. работы автора.

Подобные разногласия видятся в ином — в предопределенности различных научных позиций и связанных с ними законодательных положений изначально разными мировоззренческими идеями и течениями, т.е. своеобразными философскими «трендами», играющими приоритетную роль в те или иные периоды развития российского и советского социумов. И, таким образом, неудивительно, что воспитанные на постулатах классического немецкого идеализма до-революционные авторы писали о доказательствах как о достаточно абстрактных основаниях для судейского убеждения, а основными источниками их получения считали опыт, разум, приобретенные знания. Вместе с тем, как отмечалось выше, подобные позиции были весьма расплывчатыми, неопределенными, поскольку не раскрывали четкую связь признаваемых доказательствами логических аргументов, доводов, силлогистических посылок с накопленными по уголовному делу информационными продуктами. Вероятно, поэтому отдельные русские ученые стали задумываться об изменении доктринальных подходов к пониманию доказательств и предпринимать попытки уяснения их сущности, методологически отталкиваясь от иного активно развивающегося во второй половине XIX в. мировоззренческого течения — диалектического материализма, оперирующего не абстрактными, а вполне конкретными, имеющими объективное воплощение материальными категориями, в частности, фактами как подлежащими познанию и исследованию фрагментами окружающей реальности. В результате доказательствами стали признаваться не апостериорные основания для судейского убеждения, а конкретные факты как фрагменты объективной реальности. В силу известных причин этот же подход пришелся по вкусу А.Я. Вышинскому и другим представителям советской процессуальной школы, опиравшимся на марксистско-ленинскую ветвь диалектического материализма, а позднее трансформировался в более выигрышную, но ни коим образом не противоречащую философским воззрениям «классиков» вариацию, предполагающую понимание доказательств как фактических данных. В свою очередь, возникшая во второй половине XX в. кибернетическая теория была связана с повальным увлечением информационными процессами и технологиями, т.е. стала уголовно-процессуальным воплощением передовых научных разработок в сфере получения, хранения, преобразования и передачи информационных ресурсов. Тогда как постсоветское разнообразие доктринальных подходов к пониманию доказательств — это прямое следствие отказа от марксизма-ленинизма как приоритетного направления гносеологии, проникнове-

ния в российской науку множества иных мировоззренческих течений, в том числе предполагающих преобладание свойственных для западного мира правовых ценностей.

4. Выводы

Таким образом, напрашивается вывод, что существующие доктринальные подходы к пониманию доказательств не являются взаимоисключающими, не противопоставлены друг другу, а всего лишь раскрывают разные компоненты уголовно-процессуального доказывания, как сложного, многоаспектного комплекса познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и способствующих принятию правоприменительных решений. В частности, кибернетическая теория доказательств как нельзя лучше объясняет сущность и механизмы уголовно-процессуального познания, связанного с восприятием материальных либо идеальных следов-отображений (следов в широком смысле) и формированием на их основе соответствующих мысленных образов посредством использования вербальных и невербальных³² инструментов, находящихся в арсенале дознавателя, следователя, суда, иных участников судопроизводства. В свою очередь, прагматический подход (если, конечно, воспринимать его не как кальку англосаксонской модели доказывания, а как научные идеи о приоритете процессуальной формы, об особом значении юридических процедур) достаточно хорошо увязывается с правилами удостоверения и фиксации накапливаемых сведений. И, наконец, воззрения дореволюционных и советских ученых, понимавших под доказательствами основания для судейского убеждения или буферные факты, т.е. считавших их не более чем доводами, силлогистическими посылками, имеют прямую взаимосвязь с аргументационно-логическим компонентом доказывания, направленным на обоснование правоприменительных решений или позиций сторон.

---

³² Более подробно о вербальном и невербальном способах познания в уголовном судопроизводстве см.: *Россинский С.Б.* Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 74–110; *он же.* Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // *Философия права.* 2021. № 2 (97). С. 99–106 и др. работы автора.

Кстати, в этой связи наиболее оптимальным, максимально раскрывающим сущность доказательств как сложного и многогранного уголовно-процессуального феномена представляется рассмотренный выше подход, предложенный в публикациях В.А. Лазаревой и охватывающий информационный, формально-процессуальный, логический и аксиологический аспекты работы со средствами доказывания. Конечно, указанная позиция, как и любая другая неординарная точка зрения крупного ученого, тоже не свободна от некоторых шероховатостей и побуждает к определенной дискуссии. Однако в целом подобный неосинтетический подход к пониманию доказательств представляется совершенно верным, подлежащим использованию в качестве методологической основы для дальнейшего развития научной доктрины, совершенствования положений доказательственного права и оптимизации правоприменительной практики.

И таким образом, *уголовно-процессуальными доказательствами* надлежит признавать предусмотренные законом и predetermined материальными либо идеальными следами-отображениями информационные активы, подлежащие накоплению в качестве юридически пригодных (допустимых) информационных продуктов, а затем — использованию в качестве аргументационных ресурсов, которые в своей совокупности способствуют дознавателю, следователю, суду в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельства и обосновании правоприменительных решений, а сторонам — в попытках дозволенного воздействия на характер и содержание этих решений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М.: Юридическая литература, 1964.

Балакишин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуально-го доказывания. Екатеринбург: ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004.

Барабаш А.С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб.: Юридический центр, 2005.

Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001.

Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М.: Наука, 1966.

Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. Казань: Таглитат, 2006.

Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула: Автограф, 2000.

Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / Под ред. С.А. Голунского. М.: Госюриздат, 1959.

Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950.

Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978.

Громов В.И. Вещественные улики и научно-уголовная техника. М.: Советское законодательство, 1932.

Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект, 2009.

Дорохов В.Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108–117.

Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1910.

Защитский В.И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015.

Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов н/Д: Феникс, 1999.

Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1960.

Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977.

Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995.

Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: Дисс. ... докт. юрид. наук. Краснодар: КубГАУ, 2006.

Куликовский Л.Ф., Молотов В.В. Теоретические основы информационных процессов. М.: Высшая школа, 1987.

Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: Учебник. 5-е изд. М.: Юрайт, 2014.

Лукашевич В.З. О понятии доказательства в советском уголовном процессе // Правоведение. 1963. № 1. С. 110–119.

Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 5–8.

Люблинский П.И. О доказательствах в уголовном суде: практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса / Под ред. Н.Н. Полянского и П.Н. Малянтовича. М.: Право и Жизнь, 1924.

Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Отв. ред. В.С. Степин. 2-е изд. Т. 4. М.: Мысль, 2010.

Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009.

Перлов И.Д. Уголовное судопроизводство в СССР. М.: Госюриздат, 1959.

Поletaев И.А. Сигнал. О некоторых понятиях кибернетики. М.: Советское радио, 1958.

Рахунов Р.Д. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955.

Россинский С.Б. Концептуальные основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в доказывании по уголовному делу: Дисс. ... докт. юрид. наук. М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2015.

Россинский С.Б. О сущности доказательств на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки: постановка проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 93–100.

Россинский С.Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 99–106.

Россинский С.Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87.

Россинский С.Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. Т. 73. 2020. № 9 (166). С. 63–76.

Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса / Под ред. В.А. Томсинова. Ч. II. М.: Зерцало, 2014.

Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001.

Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968.

Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / Под ред. Л.М. Карнозовой. М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995.

Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973

Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств. М.: Госюриздат, 1960.

Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. М.: Городец, 2008.

Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976.

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996.

Хмыров А.А. Косвенные доказательства. М.: Юридическая литература, 1979.

Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М.: Госюриздат, 1951.

Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.

Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. П.А. Лупинская. М.: ВЮЗИ, 1972.

REFERENCES

- Arsenev, V.D. (1964). *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Questions of the General Theory of the Justice of Evidence]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).
- Balakshin, V.S. (2004). *Dokazatel'stva v teorii i praktike ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Evidence in the Theory and Practice of Criminal Procedure Proof]. Ekaterinburg: ООО «Izd-vo UMTs UPI». (in Russ.).
- Barabash, A.S. (2005). *Priroda rossiiskogo ugovolnogo protsessa, tseli ugovolno-protsessual'noi deyatel'nosti i ikh ustanovlenie* [The Nature of the Russian Sphere of the Process, the Goals of Criminal Procedure and Their Establishment]. St. Petersburg: Yuridicheskiisentr.
- Barshev, Ya.I. (2001). *Osnovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiiskomu ugovolnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for Judicial Proceedings with Application to Russian Criminal Proceedings]. Moscow: LeksEst. (in Russ.).
- Belkin, R.S. (1966). *Sobiranie, issledovanie i otsenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody* [Collection, Research and Evaluation of Evidence. Essence and Methods]. Moscow: Nauka. (in Russ.).
- Bykov, V.M. and Berezina, L.V. (2006). *Dokazyvanie v stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela* [Evidence at the Stage of Initiating a Criminal Case]. Kazan: Taglimat. (in Russ.).
- Cheltsov, M.A. (1951). *Sovetskii ugovolnyi protsess* [Soviet criminal process]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).
- Dolya, E.A. (2009). *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Formation of Evidence Based on the Results of Operational Search Activity]. Moscow: Prospect. (in Russ.).
- Dorokhov, V. Ya. (1964). Ponyatie dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse [The Concept of Evidence in the Soviet Criminal Process]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 9, pp. 108–117. (in Russ.).
- Dukhovskoy, M.V. (1910). *Russkii ugovolnyi protsess* [Russian Criminal Process]. Moscow: Tip. A.P. Poplavskogo. (in Russ.).
- Fatkullin, F.N. (1976). *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya* [General problems of procedural proof]. 2nd ed. Kazan: Kazanskii gosuniversitet. (in Russ.).
- Foinitskii, I. Ya. (1996). *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Course of criminal justice]. Vol. 2. St. Petersburg: Al'fa. (in Russ.).
- Golunskiy, S.A. ed. (1959). *Voprosy sudoproizvodstva i sudoustroystva v novom zakonodatel'stve Soyuza SSR* [Issues of Legal Proceedings and Judicial System in the New Legislation of the USSR]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).
- Gorskii, G.F., Kokorev, L.D., Elkind, P.S. (1978). *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse* [Problems of Evidence in the Soviet Criminal Process]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet. (in Russ.).
- Gromov, V.I. (1932). *Veshchestvennye uliki i nauchno-ugolovnaya tekhnika* [Material Evidence and Scientific and Criminal Technology]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo. (in Russ.).

Karneeva, L.M. (1977). *Dokazatel'stva i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya* [Evidence and Proof in the Production of an Investigation]. Gorky: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR. (in Russ.).

Karnozova, L.M. (1995). *Sudebnaya reforma: yuridicheski iprofessionalizm i problemy yuridicheskogo obrazovaniya. Diskussii* [Judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions]. Moscow: Mezhdunarodnyi komitet sodeistviya pravovoi reforme. (in Russ.).

Kaz, Ts.M. (1960). *Dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse* [Evidence in the Soviet Criminal Process]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta. (in Russ.).

Khmyrov, A.A. (1979). *Kosvennye dokazatel'stva* [Indirect Evidence.]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Kokorev, L.D. and Kuznetsov, N.P. (1995). *Ugovolnyi protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal process: evidence and proof]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet. (in Russ.).

Kostenko, R.V. (2006). *Dokazatel'stva v ugovolnom protsesse: kontseptual'nye podkhody i perspektivy pravovogo regulirovaniya* [Evidence in the Criminal Process: Conceptual Approaches and Prospects for Legal Regulation]. The Doctor of Legal Sciences Thesis. Krasnodar: KubGAU. (in Russ.).

Kulikovskii, L.F. and Molotov, V.V. (1987). *Teoreticheskie osnovy informatsionnykh protsessov* [Theoretical Foundations of Information Processes]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russ.).

Lazareva, V.A. (2014). *Dokazyvanie v ugovolnom protsesse: uchebnik. 5-e izd* [Evidence in Criminal Proceedings: A Textbook. 5th ed.]. Moscow: Yurait. (in Russ.).

Lukashevich, V. Z. (1963). O ponyatii dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom protsesse [On the concept of evidence in the Soviet criminal process]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1, pp. 110–119. (in Russ.).

Lupinskaya, P.A. (1972). Sheifer, S.A. *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse* [The essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: VYuZI. (in Russ.).

Lupinskaya, P.A. (2002). Dokazatel'stva i dokazyvanie v novom ugovolnom protsesse [Evidence and proof in the new criminal process]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 7, pp. 5–8. (in Russ.).

Orlov, Yu.K. (2009). *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom protsesse* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurist. (in Russ.).

Perlov, I.D. (1959). *Ugovolnoe sudoproizvodstvo v SSSR* [Criminal Justice in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Poletaev, I.A. (1958). *Signal. O nekotorykh ponyatiyakh kibernetiki* [Signal. On some concepts of cybernetics]. Moscow: Sovetskoe radio. (in Russ.).

Polyanskiy, N.N. and Malyantovich, P.N. (1924). Lyublinskii, P.I. *O dokazatel'stvakh v ugovolnom sude: prakticheskii kommentarii k glave IV Ugolovno-protseusual'nogo kodeksa* [On evidence in a criminal court: a practical commentary on chapter IV of the Code of Criminal Procedure]. Moscow: Pravo i Zhizn'. (in Russ.).

Rakhunov, R.D. (1955). *Svidetel'skie pokazaniya v sovetskom ugovnom protsesse* [Witness Testimony in the Soviet Criminal Process]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Rossinskiy, S.B. (2013). O sushchnosti dokazatel'stv na sovremennom etape razvitiya ugovolno-protsessual'noi nauki: postanovka problem [On the Essence of evidence at the Present Stage of Development of Criminal Procedure Science: Problem Statement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 6, pp. 93–100. (in Russ.).

Rossinskiy, S.B. (2015). *Kontseptual'nye osnovy formirovaniya rezul'tatov «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deistvii v dokazyvanii po ugovnomu delu* [Conceptual bases for the Formation of the Results of «Non-Verbal» Investigative and Judicial Actions in proving in a Criminal Case]. The Doctor of Legal Sciences Thesis. Moscow: MGYuA. (in Russ.).

Rossinskiy, S.B. (2020). Dokazyvanie po ugovnomu delu: poznanie ili obosnovanie? [Evidence in a criminal case: knowledge or justification?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 5, pp. 80–87. (in Russ.).

Rossinskiy, S.B. (2020). Razmyshleniya o sushchnosti dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Reflections on the essence of proof in criminal proceedings]. *Lex Russica*, 73, 9 (166), pp. 63–76. (in Russ.).

Rossinskiy, S.B. (2021). Gnoseologicheskie problemy razgranicheniya verbal'nogo i «neverbal'nogo» sposobov poznaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Gnoseological problems of differentiation between verbal and «non-verbal» methods of cognition in criminal proceedings]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2 (97), pp. 99–106. (in Russ.).

Sheifer, S.A. (2008). *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow: Norma. (in Russ.).

Spasovich, V.D. (2001). *O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroystvom i sudoproizvodstvom* [On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judicial system and legal proceedings]. Moscow: LeksEst. (in Russ.).

Stepin, V.S. (2010). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Mysl'. (in Russ.).

Strogovich, M.S. (1968). *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal process]. Vol.1. Moscow: Nauka. (in Russ.).

Tomsinov, V.A. ed. (2014). Sluchevskii, V.K. *Uchebnik russkogo ugovnogo protsessa* [Textbook of Russian Criminal Procedure]. Part. II. Moscow: Zertsalo. (in Russ.).

Trusov, A.I. (1960). *Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the theory of judicial evidence]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Ulyanova, L.T. (2008). *Predmet dokazyvaniya i dokazatel'stva v ugovnom protsesse Rossii* [The subject of proof and evidence in the criminal process of Russia]. Moscow: Gorodets. (in Russ.).

Vladimirov, L.E. (2000). *Uchenie ob ugovolnykh dokazatel'stvakh* [The Doctrine of Criminal Evidence]. Tula: Avtograf. (in Russ.).

Vyshinskii, A. Ya. (1950). *Teoriya sudebnykh dokazatel'stv v sovetskom prave* [The Theory of Judicial Evidence in Soviet Law]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ.).

Zazhitskii, V.I. (2015). *Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF* [Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. St. Petersburg: Yuricheskiitsentr-Press. (in Russ.).

Zhugin, N.V. ed. (1973). *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal process]. Moscow: Yuridicheskaya literatura. (in Russ.).

Zolotykh, V.V. (1999). *Proverka dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Checking the Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings]. Rostov-on-Don: Feniks. (in Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector; Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Doctor of Law, Associate Professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2023. Т. 18. № 3. С. 184–207. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-3-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2023) Evidence in criminal proceedings: view of a scientist 10 years later... *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 18(3), pp. 184–207. DOI: 10.35427/2073-4522-2023-18-3-rossinskiy